

Чи Фэйжаню показалось, будто его уха коснулось невесомое пёрышко. Оно защекотало кожу, и юношу вдруг охватило необъяснимое смущение.

А Жун Цзинь, точно нарочно, добавил тихим голосом:

— Когда начнём снимать, смотри только на меня.

Чи Фэйжань едва слышно отозвался. Ему всё это казалось как-то... странным.

К счастью, в этот момент их прервал голос помощника режиссёра. Тот попросил Фэйжана прислониться к стволу дерева и сесть — пришло время настроить свет и проверить звук.

Справившись со смущением, Чи Фэйжань поправил полы халата и послушно опустился на землю, прислонившись спиной к шершавой коре.

Из такого положения Жун Цзинь, и без того статный, казался невероятно высоким и величественным.

Чи Фэйжань закинул голову, и в его мыслях вдруг всплыл образ из сценария.

«Должно быть, для Чу Бая его старший брат Чу Хэн всегда был именно таким — нерушимой опорой, скалой, за которой можно укрыться от любых невзгод».

Пытаясь глубже прочувствовать характер своего героя, Чи Фэйжань постепенно успокоился. С его лица сошло напряжение, уступив место мягкой сосредоточенности.

Когда последние приготовления были завершены, над съёмочной площадкой повисла чуткая тишина. Режиссёр Цзинь занял своё место у монитора и скомандовал:

— Начали!

Помощник режиссёра привычным жестом щёлкнул хлопушкой перед объективом и стремительно отступил в тень.

В груди Чи Фэйжана на миг вспыхнуло волнение. Он поднял взгляд на Жун Цзиня. Тот смотрел на него сверху вниз.

Но нет, перед ним стоял вовсе не Жун Цзинь.

Это был Чу Хэн. Его названный брат. Его шисюн.

Шисюн — гениальный мечник, гордость школы, чьим единственным устремлением было карать несправедливость и защищать слабых.

В его сосредоточенном лице сквозила холодная, острая решимость — он походил на клинок, замерший в ножнах за мгновение до смертоносного удара. Тихая обитель их клана, окутанная миром и покоем, была слишком мала для его великой судьбы. Ему здесь не удержаться.

В груди Чу Бая шевельнулась горькая, щемящая тоска. Юноша протянул руку, несмело ухватился за край широкого рукава шисюна и устремил на него умоляющий взор.

На губах дрожали тысячи слов, готовых сорваться с языка, но вслух он сумел вытолкнуть лишь тихий, надтреснутый шёпот:

— Шисюн...

В этом простом обращении слились воедино детская нежность и невыносимый страх скорой разлуки.

Чу Хэн мягко ухватил его под локоть и помог подняться на ноги:

— Не сиди на земле. Простудишься.

Чу Бай послушно встал. Он вглядывался в лицо названного брата, пытаясь навсегда запечатлеть его в памяти, а все невысказанные мольбы остаться загнал глубоко внутрь, заставив себя промолчать.

Заметив это мимолётное колебание, Чу Хэн тихо спросил:

— Что с тобой?

Чу Бай чуть прикусил губу, а затем на его бледном лице промелькнула озорная, чисто юношеская улыбка:

— Просто мой шисюн такой красивый. Глаз не оторвать.

Солнечные лучи золотили его почти прозрачную, фарфоровую кожу, на фоне которой черты лица — тонкие, очерченные словно тушью — казались невероятно яркими и выразительными.

— Снято! — зычно объявил режиссёр Цзинь.

Этот выкрик мгновенно выдернул Чи Фэйжана обратно в реальность, однако фантомная горечь,

поселившаяся на самом дне души, уходить не спешила.

Режиссёр углубился в просмотр отснятого дубля, поэтому актёры продолжали стоять на своих местах, не решаясь нарушить мизансцену.

— Ну как? — негромко поинтересовался Жун Цзинь. — Как ощущения?

Чи Фэйжань медленно поднял голову и вдруг тихо спросил:

— А когда ты ушёл... ты жалел об этом?

Жун Цзинь замер на мгновение, а затем глухо произнёс:

— Жалел.

Он отвечал от лица своего героя. Будь иначе, разве изводил бы Чу Хэн себя в бессонные ночи, судорожно сжимая рукоять верного меча? Разве вернулся бы он, покрытый славой и шрамами, в родную обитель, зная, что там его встретят лишь заросшие бурьяном тропы и холодный ветер?

Сердце Чи Фэйжаня болезненно сжалось, но он упрямо покачал головой:

— А я вот ничуть не жалею.

Чу Бай действительно не жалел. Ни разу. До самого последнего вздоха.

Жизнь младшего брата оборвалась на третий год после ухода Чу Хэна — как раз тогда, когда слава великого праведника гремела по всей Поднебесной.

К тому моменту, как весть о кончине настигла героя, его юный шиди уже давно обрёл покой под холмиком сырой земли.

Чи Фэйжань сделал глубокий вдох, пытаясь унять непрошеные слёзы. По сути, во всей роли Чу Бая трагическим был лишь финал — сцена его смерти. Все остальные эпизоды с его участием были наполнены беззаботным весельем и теплом.

Но именно эта мимолётная радость, если помнить о неизбежном трагическом конце, превращалась в острый нож, безжалостно полосующий сердце. От этих мыслей становилось невыносимо тошно.

Надо признать, создатели «Рыцарских костей» не поскупились на душещипательную драму,

выстраивая линию этих двоих.

При первой встрече Чу Хэну его будущий шиди показался болезненным и хрупким до крайности. Узнав же о трагической судьбе сироты, юноша впервые осознал своё истинное призвание — защищать слабых и обездоленных. Именно этот момент предопределил его путь благородного воина.

Но какая горькая ирония: великий герой, спасший за свою жизнь сотни незнакомцев, оказался бессилён помочь единственному человеку, который был ему по-настоящему дорог.

Тем временем режиссёр Цзинь дважды прокрутил запись и наконец удовлетворённо кивнул.

— Отлично, дубль принят! Готовимся к следующей сцене!

Вокруг мгновенно закипела привычная суeta, вырывая Чи Фэйжаня из плена тяжёлых дум.

К нему тут же подскочили Ли Юань и Чэнь Мэнъян. Они принялись наперебой рассыпаться в похвалах, протягивая бутылку с водой и заботливо интересуясь, не устал ли он.

Режиссёр пребывал в прекрасном расположении духа. Он-то мысленно настраивался на долгие часы мучений с неопытным новичком, а парень оказался на редкость чутким и одарённым.

Конечно, его игру нельзя было назвать шедевром актёрского мастерства, но для дебюта это было более чем достойно. Самое главное — их энергетика в кадре идеально резонировала, а эмоции выглядели искренними, живыми.

Подобная естественность в наше время — огромная редкость. Немного подумав, Цзинь решил отказаться от дополнительных дублей, решив тем самым подбодрить начинающего актёра.

Дождавшись, пока Ли Юань и Чэнь Мэнъян отойдут на безопасное расстояние, Жун Цзинь негромко произнёс:

— Всё это понарошку.

Чи Фэйжань удивлённо посмотрел на него.

— Это просто выдумка сценаристов, — мягко пояснил Жун Цзинь. — Не принимай так близко к сердцу.

Чи Фэйжань немного смутился, но всё же не удержался от вопроса:

— Но почему Чу Бай обязательно должен умереть?

Жун Цзинь на мгновение задумался, а затем ответил с самым серьёзным видом:

— Работа у сценаристов такая.

Чи Фэйжань лишился дара речи.

Вся меланхолия улетучилась без следа.

<http://bllate.org/book/18265/1752666>